

Игорь КАРАУЛОВ

РАЗВОЗЧИК ТЕПЛА

Андрей Пермяков. Белые тепловозы. – М: СТиХИ, 2018. – 100 с. – (Серия «Срез». Книга восьмая. Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт»).

Новая книга стихов Андрея Пермякова называется «Белые тепловозы», а на обложке нарисован черный паровоз. В единственном числе.

Но это не имеет значения. Тех тепловозов, которые ездят по рельсам, в книге не больше, чем королей и капусты. А вот разных мест, куда ведут рельсы и куда они не доходят, в ней много. Андрей Пермяков, подобно фотону, не имеет массы покоя. Он известен своими травелогами в прозе, и в стихах он также работает в духе травелога.

Путешествие порождает тексты естественным образом; древний принцип акына – «что вижу, про то и пою». Неудивительно, что наша поэзия всегда была богата туристическими стихами. Маяковский на Бруклинском мосту, Манделъштам в Армении, посол мира и прогресса Евтушенко, метафизический скиталец Бродский; вспомним и Юрия Кублановского, чья очаровательная и почти забытая книга «С последним солнцем» была построена именно как травелог. Да и теперь, когда любой гражданин может просто взять и купить билет в любую точку земного шара, поэты норовят притащить из очередной поездки какую-нибудь итальянскую, перуанскую или непальскую тетрадь.

Но стихи Пермякова – это не туристические стихи. Поэт-турист ищет диковинное и свидетельствует о чужом, внешнем, в то время как Пермяков разыскивает родное, пытается обыденное. Область своих разысканий он негативно очерчивает в форме центона – редкий для него ход:

*В Европе холодно, в Италии темно,
там хорошо, но мне туда не надо.*

Пермяков передвигается исключительно по Руси, мир за ее пределами его как будто не интересуется. Но нельзя сказать, что стихи Пермякова «наполнены любовью к родному краю»; этот штамп совсем не годится для описания пермяковского мира. Какая уж тут любовь:

*Рельсы тянут паучьи конечности
к страшным схрамам в удмуртских лесах.*

Скорее речь идет о спокойном, стоическом приятии: ну что тут поделаешь, если наше – вот такое.

*Глядя сквозь рябину тугоплавкую
на страну, заросшую люпинами,
сном, борщевиком, автозаправками,
городами малопоправимыми...*

Россия Пермякова неказиста и однообразна: невысокие домики, придорожные шалманы, «дискотека с мудацкими танцами», серая вода рек. Это единообразие Пермяков намеренно подчеркивает. Даже имперский, единственный в своем роде Петербург на его взгляд – всего лишь еще один город на реке, пусть и «довольно большой». Фонтаны, львы и прочие растрелли – у кого угодно еще, но не у Пермякова.

Россия Пермякова однообразна не только в пространстве, но и во времени. Вечная, статичная страна. Тягучее, вязкое время. Рая не было, мы его не теряли, ностальгия

неуместна. Жаль несбыточного, несбывшегося, а утраченного не жаль, потому что оно никуда не делось. Пишет ли он о семидесятых, которые едва помнит, или о совсем недавнем прошлом – всюду серый пейзаж и всеобщая нелюбовь, отчуждение, меняются только бытовые и исторические детали. Где-то пьют, где-то дерутся, а в остальном:

*Ничего и не происходило.
Ничего и не произойдет.*

Впрочем, в другом месте автор чуть подправляет эту грустную констатацию:

*На вокзалах что-то происходит.
Остальное так. Для красоты.*

Зачем тогда вообще нужны эти блуждания по стране? Может быть, это просто сложившийся ритуал жизни? Бегство от самого себя, превратившееся в рутину?

Наверное, всё дело в людях. Города без людей не имеют смысла. А Пермяков – самый общительный наш поэт. Не знаю другого автора, чьи стихи были бы столь же многолюдны, столь же диалогичны. Одних только посвящений – смотрите сколько: «Арсению Ли», «Павлу Тимофееву», «Е. Погорелой», «Юле Крыловой», «Мыше Чугуновой»... И это всё персонажи его стихов – а есть ведь и другие персонажи, посвящений не удостоившиеся, но живущие, действующие в стихах, составляющие их повод и придающие им смысл.

Возможно, есть не только железные тепловозы. Есть люди-тепловозы, которые развозят человеческое тепло по стране. Думаю, Пермяков хотел бы быть одним из таких тепловозов. Но его КПД низок, теплопотери огромны, всех не согреть, не спасти, а то, что теплится у него в руке, больше похоже на фонарь Диогена.

Кого же он ищет? Думая о том, с каким из известных травелогов сравнить «Белые теплоходы», я прошел мимо «Москвы – Петушков» (слишком явная аналогия, тем более что в книге есть стихотворение «Петушки – Москва»), мимо радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» и остановился вот на чем: Николай Некрасов, «Кому на Руси жить хорошо». Ну да, это поэма из школьной программы, она написана не так и не о том, но вообще-то так совпало, что ее название – главный вопрос «Белых тепловозов».

Пермяков ищет счастливого человека, но ни в себе, ни вокруг себя такого человека не видит. Результат этих поисков – одна из самых депрессивных поэтических книг последнего времени. Вот только концовки стихотворений. Судите сами:

Хуже не бывало никогда.

*Кони гуляют красные,
смерти плывут неслышные.*

В этом году фантастически не получилось лето.

*Зачем сажать свою дочь в аэроплан,
Названный именем самоубийцы?*

*Просыпаешься, а в доме твоём занавешены зеркала.
Да не очень-то и просыпаешься.*

В этой безысходности – надеяться на кого? На Бога? Но есть ли он во вселенной Пермякова? По идее, вроде бы есть:

*О, Господи, какое страшное
Ты сделал, если не любя.
И беспросветное, крошечное,
смешное, гадкое, ненужное,
нечеловеческое, лишнее,
когда б все это без Тебя.*

А присмотреться, так и нет никакого Бога:

... как заступник, которого нет.

Вся надежда, получается, на тепловозы. На людей-тепловозов, которым в конце концов удастся согреть друг друга.

Поэт Андрей Пермяков не испытывает формальных трудностей. Он уверенно себя чувствует в своей поэтике, которая практически не изменилась после выхода его предыдущей книги («Сплошная облачность», 2013 год). Основу его стиля по-прежнему составляет дольник, как правило, пяти- или шестиударный (стихотворений такого рода в книге около 40%). В связи с пермяковским дольником я не буду вспоминать Иосифа Бродского и тем более Бориса Херсонского. Но однажды я наткнулся на одно любопытное место у Николая Байтова и был поражен чертовски знакомой интонацией:

*Я не знаю, с волосами – какими?
Мне неинтересно. Молчу.
Жёлтые бабочки мелькают в крапиве.
Дети пробежали к ручью.
Слепая ищет меня глазами,
умоляет не молча сидеть.
– Ты девочек вот с такими волосами
не видел здесь?*

Сравним с Пермяковым:

*Мордовник – адамова голоса;
Желтые пчелы живут в синей его голове.
Менее жёлтые пчелы гудят в ординарной траве –
Бледные на зеленом, видимые едва.*

Присутствием желтых насекомых сходство тут лишь подчеркивается, но не исчерпывается. Оба стихотворения объединяет сновидческая суггестия. На примере текста Байтова мы видим, что Пермяков не одинок в использовании этого способа письма, однако именно Пермяков сделал его своей фирменной чертой.

Дольник дает Пермякову свободу построения нарратива, без которого его книга, возможно, утратила бы содержательное единство и рассыпалась бы на отдельные стихотворения с приметамы места и времени. При этом у Пермякова присутствуют два ритмических ряда, смысловый и звуковой – две пластинки, которые он, подобно диджею, то замедляет, то ускоряет. Например, приемом замедления смыслового ритма служат повторы.

*На Бауманской улице очень шумно.
Еще и друзья ругаются, все трое.
Между собой ругаются, на тебя ругаются,
на погоду ругаются, так бывает.*

Или:

Ходила в синем и длинном, длинном и синем.

Эти повторы, как шарик на веревочке, вводят читателя в гипнотический транс, заставляя его, как это бывает во сне или в нетрезвом состоянии, концентрироваться на какой-то мелочи. А потом раз – и единой строчкой решается целая жизнь. Так бывает в эпосе.

Но для эпика Пермяков слишком сентиментален. Кажется, именно это он в себе ценит больше всего. Отчаяние, разочарование и безысходность для него – лишь кегли, которые он выставляет перед читателем, чтобы уверенно снести их шаром человечности. Так он поступает и в последнем стихотворении книги, где прием ритмической неравномерности и применен, и провозглашен открытым текстом:

*Человек читает человеку –
дочке или присмотреть просили.
Запыхавшись, точно после бега,
говорит на память, но с усилием.*

*Паузы совсем не там, где точки.
Так читает, как по лужам скачет.
Толстенький, в дублёнке, а вот дочка
плакала, теперь зато не плачет.*

*Он читает медленно и нудно,
ошибаясь пьяно, человечно:
«В небесах торжественно и трудно...»
Впрочем, и в иных местах не легче.*